

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

UDC 1(091)
LBC 87.3(2)

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.08.2022

KANTIANISM IN THE EARLY WORKS OF N. BERDYAEV (1900–1910)

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the influence of Kantian philosophy on the formation and philosophical work of Nikolai Berdyaev from 1900 to 1910. The attitude of the Russian philosopher to the basic ideas of I. Kant was critical from the very beginning. Nikolai Berdyaev directed his main criticism of kantianism in his first serious book against Kantian dualism, the existence of an absolute transcendent principle. Kantianism was for Berdyaev the most important philosophical experience, thanks to which he moved at the beginning of his creative path from critical marxism to idealism. During the period of turning to idealism, he came to the idea that transcendental consciousness immanently contains a religious attitude to the world. Kant's ethical postulates have not lost their fundamental significance for him. However, he associated the fundamental shortcoming of Kant's philosophy with the absence of a teleological approach to reality. Striving for metaphysical realism, Nikolai Berdyaev very soon overcomes the ethical normative idealism that was so characteristic of his early work. Without staying long within the framework of idealistic philosophy, Berdyaev subsequently made the transition to mystical religious realism. The critical philosophy that Kant represented, according to Berdyaev, absolutized the role of rational knowledge and closed access to true transcendental reality, narrowed being by the boundaries of the phenomenal world. He saw the way out of the grip of Kantian rationalism in expanding the framework of transcendental reason to the metaphysical or supra-rational. It was in mystical cognition that Berdyaev saw the only true way of cognizing reality. The Russian philosopher built his epistemology on the fundamental idea that being is closed and transcendent to thinking or rationalized consciousness, and it becomes immanent only to primary, integral and living consciousness, which has access to transcendent metaphysical experience.

Key words: transcendental idealism, transcendent, criticism, categorical imperative, ethics, metaphysics, mystical realism, personality.

Citation. Shumskoy A. V. Kantianism in the Early Works of N. Berdyaev (1900–1910). *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 25-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.08.2022

КАНТИАНСТВО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. БЕРДЯЕВА (1900–1910 гг.)

Андрей Викторович Шумской

Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние кантовской философии на становление и философское творчество Николая Бердяева с 1900 по 1910 год. Отношение русского философа к основным идеям И. Канта с самого начала было критическим. Острые своей главной критики кантианства Николай Бердяев в своей первой серьезной книге направил против кантовского дуализма, существования абсолютного трансцендентного начала. Кантианство явилось для Бердяева важнейшим философским опытом, благодаря которому он перешел в начале своего творческого пути от критического марксизма к идеализму. В период обращения к идеализму он пришел к идее, что трансцендентальное сознание имманентно содержит в себе религиозное отношение к миру. Этические постулаты Канта не утратили для него своего фундаментального значения. Однако коренной недостаток кантовской философии он связывал с отсутствием телеологического подхода к реальности. Устремленный к метафизическому реализму Николай Бердяев очень скоро преодолевает этический нормативный идеализм, столь характерный для его раннего творчества. Долго не задерживаясь в рамках идеалистической философии, ученый впоследствии совершил переход в мистический религиозный реализм. Критическая философия, которую представлял Кант, по мнению Бердяева абсолютизировала роль

рационального познания и закрыла доступ к подлинной трансцендентальной реальности, сузила бытие границами феноменального мира. Выход из тисков кантовского рационализма он видел в том, чтобы расширить рамки трансцендентального разума до метафизического или сверхрационального. Именно в мистическом познании Бердяев видел единственно верный путь познания реальности. Свою гносеологию русский философ строил на фундаментальной идее, что мышлению или рационализированному сознанию бытие закрыто и трансцендентно, и оно становится имманентным только сознанию первичному, целостному и живому, которому доступен трансцендентный метафизический опыт.

Ключевые слова: трансцендентальный идеализм, трансцендентный, критицизм, категорический императив, этика, метафизика, мистический реализм, личность.

Цитирование. Шумской А. В. Кантианство в раннем творчестве Н. Бердяева (1900–1910 гг.) // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 25–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.3>

Философское наследие Николая Бердяева всегда привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Различным аспектам его творчества посвящено необозримое количество публикаций. Даже поверхностный взгляд на публикации показывает, что на сегодняшний день слабо изучена проблема идейных истоков раннего творчества Н. Бердяева. В связи с этим представляется актуальной задача реконструировать рецепцию Бердяевым идей Канта, оказавшего решающее влияние на формирование его философского мировоззрения в начале его творческого пути. Проблема влияния Канта на философию Бердяева затрагивалась лишь в немногочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей [Силантьева 2005; Krasicki 2012; Красицки 2014].

Философский путь Н.А. Бердяева начинается с выхода в свет его первой работы «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», изданной в 1901 г. В ней он попытался соединить социальную доктрину марксизма с критической философией И. Канта и отчасти И. Фихте. Основная идея книги состояла в том, что сущность истины, добра и красоты познается трансцендентальным сознанием и не может определяться исключительно социальным фактором и классовым сознанием [Бердяев 2006, 145]. Из философов наибольшее значение в ту пору имел для него Кант [Бердяев 2016, 411]. Уже в первых своих работах он вырабатывал к Канту критическое отношение, многое в кантианстве ему уже тогда было чуждо. Особенно отталкивающим впоследствии казался Н. Бердяеву этический формализм Канта с его категорическим императивом. Но в начале своего творческого пути этика Канта стала для

него основой для развития собственного мировоззрения.

Доктрина марксизма с гносеологической и этической точек зрения представлялась в ту пору Бердяеву слабо разработанной, наивной и поверхностной. В критицизме Канта он находил много истинного и необходимого для развития критического марксизма и в конечном счете для его преодоления. Величайшую историческую заслугу немецкого философа он видел в том, что тот открыл а priori как всеобщую и объективную основу в познавательной деятельности. Вне трансцендентального объективизма возможен только скептический субъективизм [Бердяев 2008, 87].

Критицизм Канта Бердяев закладывал как исходный пункт и для построения этики как таковой. Именно в трансцендентальном сознании он видел источник объективно нравственного и объективно справедливого. Объективная нравственность коренится в нравственном законе, носящем априорный характер. Чувственному опыту в сфере морали должен предшествовать акт формального различия между добром и злом. Таким образом, условием нравственного опыта и нравственной жизни является этическое а priori [Бердяев 2008, 121].

Но особенно важной для Н. Бердяева являлась идея кантовской этики о человеке и человечестве как самоцели, освящающей и санкционирующей нравственный прогресс. Иммануил Кант являлся для него настоящим основателем религии человечества. Более всего в кантовской этике он ценил категорический императив и с формальной точки зрения полностью его признавал. Однако идея Канта о том, что нравственный порядок носит умопостижимый характер и коренится в

непознаваемых вещах в себе, представлялась ему тогда абсолютно неприемлемой. Бердяев решительно выступал тогда против всякого трансцендентного онтологизма как разновидности необоснованной метафизики и единственно правильной позицией он полагал феноменалистический взгляд на мир. Нравственный миропорядок может быть воплощен только в мировом историческом прогрессе, бесконечно устремленном к «царству целей» [Бердяев 2008, 123]. Исторический процесс задается и регулируется этическим а priori трансцендентального сознания, которое привносит во всемирную историю идею общеобязательной цели, санкционирующей ее как прогресс.

С критической точки зрения Бердяев оценивал и знаменитую кантовскую антиномию свободы и необходимости. Дуалистическая позиция Канта представлялась ему ложной и неприемлемой, открывающей путь к расколу бытия на трансцендентную и имманентную сферы, на мир ноуменов и феноменов. Дуализму Канта Бердяев противопоставил монистическую теорию познания, для которой не может существовать противоречий в нашем познании. Всякий познавательный акт осуществляется на основании тех законов и норм, которые коренятся в трансцендентальном логическом сознании. В своей познавательной деятельности субъект не знает свободы. Сознание свободы как беспричинность нашей воли и наших действий (индетерминизм) следует отбросить как иллюзию. Свобода воли не противоречит необходимости, так как она детерминируется психическими причинами [Бердяев 2008, 145].

Этический идеализм Канта Бердяев рассматривал как единственно возможное гуманистическое мировоззрение, подлинно человеческую точку зрения на мир. Кант впервые в философии обосновал и провозгласил принцип «человек как цель» в качестве категорического императива, законодательства сверхиндивидуального сознания трансцендентальной апперцепции, которое носит объективный и общеобязательный характер [Бердяев 2008, 162]. Вместе с тем Бердяев видел недостаток кантианской философии в том, что в ней телеологический принцип обладал только регулятивным, а не конститутивным значением.

Идея телеологического понимания мира у Канта была почти не развита.

Таким образом, острое своей главной критики кантианства Николай Бердяев в своей первой серьезной книге направил против кантовского дуализма, существования абсолютного трансцендентного начала. Дуализм в философии Канта он стремился снять провозглашением имманентной монистической философии. Открытия Канта в области гносеологии и этики, по его мнению, могут быть применимы только по отношению к миру явлений как единственной абсолютной реальности [Бердяев 2008, 197].

Вскоре после выхода в печать в 1901 г. книги «Субъективизм и идеализм в общественной философии» молодой Бердяев наметил свой переход из «критического марксизма» в идеализм. Отражением данного перехода явилась программная статья «Борьба за идеализм», написанная в 1902 году. В ней Бердяев поставил перед собой цель обосновать абсолютную ценность личности как а priori трансцендентального сознания. Идеализм стал привлекать его своей устремленностью к вечным ценностям, открывающимся человечеству через процесс мировой истории. Именно телеологический принцип придает всемирной истории прогрессивный характер. Исторический прогресс представляет собой восхождение сущего к должному как верховной цели бытия.

Глубокие идеи об идеалистическом духе прогресса Бердяев находил в учении Фихте о действительном «Я». Идеалистическая философия Фихте Бердяевым рассматривалась как шаг вперед, вносящий в кантианство идею телеологического понимания мира.

Центральной идеей идеалистического воззрения на мир и жизнь Бердяев провозглашает идею нравственного миропорядка, которая может быть выведена только из недр религиозного сознания. Если в своей первой книге Николай Бердяев признавал нравственный миропорядок только в рамках феноменального мира, то в период обращения к идеализму он пришел к идее, что религия является ядром трансцендентального сознания, вне которого невозможно цельное познание и отношение к миру [Бердяев 2002, 42].

В статье «Этическая проблема в свете философского идеализма», опубликованной в 1902 г., Бердяев продолжил развитие идеалистической философии и попытался критически рассмотреть этическую проблему в свете философии Канта. В данной статье он исходил из того, что этика по своей сути может быть только философской наукой о должном. Категория должного, лежащая в основе этики, не может быть выводима из эмпирического сущего, она является сущностью самой нравственной проблемы. Наибольший вклад в этику, по мнению Бердяева, внес именно Кант, который совершил открытие должного, как принципа, данного а priori нашему сознанию. Бердяев попытался развить этику Канта, усилив ее с гносеологической точки зрения. Вслед за Кантом он противопоставил этическую точку зрения на мир научно-познавательной [Бердяев 2002, 73].

Особенность позиции Н. Бердяева тогда состояла в утверждении телеологического критицизма, основанием которого являлась категория должного. Единственным путем объединения бытия и долженствования могла быть метафизика. Эмпирическое различие истины и добра, как и их полное метафизическое тождество, представлялись Бердяеву крайними точками зрения. Золотой серединой он полагал трансцендентальное объединение истины и добра в понятии общеобязательной нормы (должного). Таким образом, Бердяев переходил на установленную Кантом дуалистическую точку зрения, согласно которой абсолютный нравственный закон как должное веление практического разума противопоставлялся миру явлений как сущему. Величайшую заслугу Канта он видел в том, что великий немецкий философ окончательно разбил ограниченный догматизм с его верой только в чувственный мир и утвердил идеи Бога, свободы и бессмертия как нравственные постулаты, которые имеют свое этическое обоснование в практическом разуме и не могут быть дедуцированы из теоретического разума [Бердяев 2002, 76]. Воплощение абсолютных нравственных норм должного в действительности возможно лишь путем социального развития. Говорить об эволюции этических норм не имеет никакого смысла, так как они, как и

логические законы, являются автономным законодательством нашего сознания.

Свою этику Бердяев строил на главном нравственном постулате практического разума Канта о человеке как самоцели и об абсолютной ценности личности. Вне данного постулата нравственная жизнь человека и человечества теряет всякий смысл и осуществление нравственного блага становится невозможным. Таким образом, Бердяев обосновывал все содержание нравственности абсолютным нравственным законом, являющимся а priori трансцендентального сознания [Бердяев 2002, 84].

Нравственная проблема истолковывалась им, прежде всего, как проблема отношения между эмпирическим и духовным «я» в структуре личности. Вслед за Кантом Бердяев признавал нравственным лишь те поступки, которые обуславливаются нравственной разумной волей человека, а не его чувственными склонностями и влечениями. Бердяев находил верной и глубокой мысль Канта о том, что нравственность есть особое качество воли разумной личности, принцип практического разума. Таким образом, он приходил к тому заключению, что нравственность есть прежде всего реализация личностью своего духовного «я», восхождение над эмпирическим «я», безусловное признание в каждом человеке самоценности его личности, духовного «я» в человеке [Бердяев 2002, 85].

В основании нравственной философии должна лежать идея долга; нравственность невозможна без внутренней свободы. Но главный недостаток кантовской философии он теперь связывал с тем, что Кант свою метафизику строил преимущественно на основе нравственных постулатов, обходя стороной онтологическую метафизику, что привело его к агностицизму. В ту пору позиция имманентного феноменализма уже не удовлетворяла Бердяева и он искал путей к признанию метафизической реальности идеальных ценностей.

Сущность духовной природы личности заключена в идее нравственного развития, стремлении личности к достижению идеального духовного состояния. Без идеи верховной цели не может быть реализована нравственная природа личности [Бердяев 2002, 91]. Таким образом, Бердяев приходит к идее Вер-

ховного Блага, Божества, то есть универсального духовного «Я», к которому должна быть обращена нравственная воля личности. Воссоединение человеческого «я» с божественным «Я» и составляет главную цель нравственной духовной жизни личности. Причем Божество мыслилось Бердяевым как идеал окончательного совершенства личности. По сути, речь шла о нравственном развитии личности в историческом процессе как о воплощении трансцендентального «нормативного» сознания в эмпирическом мире или – в терминах онтологии – воплощения мирового духа, универсального «Я» во всемирной истории.

Итак, этическая проблема заключалась в том, чтобы соединить индивидуальное с универсальным в одном мировоззрении. Святость и неприкосновенность личности безусловны именно потому, что она является носителем высшего духовного начала, причастна единой духовной природе. По мнению Бердяева, признавать «нравственный миропорядок» – значит признавать, что мир имеет смысл, что индивидуальная жизнь находится в неразрывной нравственной связи с жизнью универсальной, с миропорядком [Бердяев 2002, 94].

Встав на точку зрения идеалистической метафизики, Н. Бердяев по-новому осмысливает проблему антиномии свободы и необходимости. Границу, которую наметил Кант между царством свободы и царством необходимости и природы, Бердяев рассматривал в качестве исходной посылки этики. Отличие позиции Бердяева от взгляда Канта заключалось в том, что свобода и необходимость не исключают друг друга, а сосуществуют вместе в реальности, не пересекаясь друг с другом. Свобода в этической концепции Бердяева трактовалась как положительное содержание внутреннего духовного творчества личности, процесс осуществления духовного «я». Получалось, что между нравственной свободой и духовным «я» личности нет никакой принципиальной разницы. С гносеологической точки зрения свободной личностью является та личность, нравственная жизнь которой определяется духовным «я», а не случайными эмпирическими мотивами [Бердяев 2002, 112].

Итак, Бердяев приходит к выводу о том, что реализация духовной свободы личности, возвышение над объективной реальностью и

составляет суть нравственного прогресса. Высоко оценивая этику Канта, Бердяев не находит в ней никаких идей относительно того, каким образом должен осуществляться нравственный прогресс в общественной жизни. Кант практически не касался данной проблемы, так как у него отсутствовала философия нравственного прогресса. В этом отношении Фихте, Гегель и Шеллинг оказались гораздо более плодотворными мыслителями, поставив явным образом вопрос об осуществлении нравственного блага в истории. Таким образом, нравственная проблема, которую столь блестяще поставил Кант в своей этике, у Бердяева перерастает в проблему социальную и историческую.

Размышления над этической проблемой привели Бердяева к построению философии истории в духе спиритуалистического монизма и идеалистической теории развития. В то время он уже не ограничивался необходимостью синтеза социологии Маркса и этики Канта, но полагал, что марксистская социология должна также быть дополнена идеалистической философией истории Фихте и Гегеля.

Устремленный к метафизическому реализму Николай Бердяев очень скоро преодолевает этический нормативный идеализм, столь характерный для его раннего творчества. В статье «О новом русском идеализме», опубликованной в 1904 г., он резко отходит от ранее занимаемой им позиции трансцендентального идеализма. Теперь ему казалось, что идеалистическая философия неблагоприятна для метафизических построений и в большинстве случаев заканчивается феноменалистическим взглядом на мир или приводит к позитивизму. Трансцендентальный идеализм Канта и его последователей – яркое тому свидетельство. Такого рода идеализм ввергает в царство иллюзий и фикций, ограничивает познание понятийно-категориальным мышлением, закрывает путь в глубины реальности. Будущее новой метафизики Бердяев стал связывать с преодолением рационализма, трансцендентального идеализма Канта и абсолютного идеализма Гегеля. Подлинной метафизикой может быть только метафизический реализм. В теории познания и этике он переходит на позицию трансцендентного реализма, отбрасывая идею обосо-

вания добра из трансцендентального сознания [Бердяев 2002, 178].

Основной недостаток, который находил Бердяев в рационалистической философии Канта, неокантианстве, позитивизме состоял в смешении сознания с разумом, редуцировании сознания до уровня рассудка, понимании познавательного акта как исключительно рационального. Бердяев был уверен в необходимости восстановления единства и цельности нашего познавательного акта, в синтезе опытного и рационального познания. Новая метафизика должна исходить из принципа трансцендентности бытия мышлению и вместе с тем его имманентности духовной природе человека. Таким образом, всякое бытие определялось им как сознание, конкретный дух, живая и индивидуальная субстанция [Бердяев 2002, 194]. Новый метафизический опыт познания бытия Бердяев видел в преодолении установленного Кантом разрыва между имманентным и трансцендентным, в признании трансцендентного имманентным. Фактически Бердяев перешел на позицию спиритуалистической монадологии. Центральной ее идеей становится понимание бытия как множества духовных субстанций разного порядка, наделенных свободой и творческой силой. Свобода реализует себя в самоопределении и творчестве духовных субстанций, она является той силой, действие которой в мире преобразует хаос в космос и Царство Божие. Суть бытия заключается в приобщении к свободе Божества или Единого всего множества духовных субстанций [Бердяев 2002, 212].

В статье «Кризис рационализма в современной философии. Виндельбанд. Прелюдии», написанной в 1904 г., Николай Бердяев с резкой критических позиций оценивал рационалистический характер философии Канта. Своей идеей морального категорического императива как единственного пути нравственного спасения человечества Кант подменил подлинную религию живого Спасителя отвлеченно-моралистическим суррогатом, поставил человека перед пустотой, закрыл пути, ведущие к восприятию трансцендентной реальности [Бердяев 1998, 255].

Выход из душливой темницы рационализма на простор живого бытия Бердяев видел в том, чтобы источником метафизики при-

знать не теоретический трансцендентальный разум и даже не практический разум, как у Канта, а чувственно-метафизический, мистический разум, соединяющий человека с полнотой реальности. Гносеология Канта не имела выхода к трансцендентному метафизическому опыту, так как базировалась на постулате трансцендентального сознания, скованного и ограниченного априорными формами рассудка и чувственности. Бердяев упрекает Канта в построении абстрактной философской конструкции, которая у него получила название трансцендентальной апперцепции [Степун 1994, 484].

Субъектом познания бытия у Канта является прежде всего отвлеченный рассудок и разум, которые вырабатывают понятие бытия из чувственных данных. В «Критике чистого разума» Кант поясняет, что мышление само по себе не есть продукт чувств, но без данных чувственности оно лишается объекта [Кант 2007, 209]. Соприкосновение с живым, конкретным и одухотворенным бытием, как полагал Бердяев, возможно только в мистическом опыте, носителем которого является первичное целостное нерационализированное сознание. Таким образом, разум не конструирует бытие, а выступает лишь инструментом метафизического познания и проникновения в сущность мира, в живую ткань бытия. Так называемый объективный мир, с которым имеет дело наука, есть, по мнению Бердяева, лишь рационализация бытия. Данные философские интуиции в более поздние периоды своего творчества Бердяев выразит в учении об объективации бытия [Бердяев, 2018]. Учением о ноуменах и феноменах Кант постулирует зазор в познании реальности, который, по глубокому убеждению, Бердяева должен быть преодолен.

В работе «Новое религиозное сознание и общественность», изданной в 1907 г., Бердяев откровенно обвинял Канта в том, что тот свой категорический императив формулировал в отрыве от Первоисточника, каким может быть только Божественный Логос, Смысл мира. Грехопадение человека открылось Канту только с моральной точки зрения, в то время как оно совершилось в самой глубине мистической стихии мира и является таинственным актом метафизической свободы, а не

нарушением моральной законности [Бердяев 1999, 27]. Моральный закон и естественное человеческое совершенство не могут быть путем спасения. Спасение человечества может быть только мистическим актом сверхрациональной и сверхморальной свободы и любви, воплощением которой является Христос.

Бердяев признавался, что в учении Канта о нравственно-разумной природе человека имплицитно содержались зачатки подлинно христианской религиозной антропологии. Именно «Критика практического разума» Канта, которую Бердяев ставил намного выше «Критики чистого разума», стала для него точкой поворота и движения в сторону мистического метафизического реализма как более высокой ступени познания реальности. В книге «Дух и реальность», написанной в 1937 г., Бердяев характеризовал Канта как философа, искавшего реализма, который совсем не был идеалистом в дурном смысле этого слова [Бердяев, 2007, 6]. Проницательные мысли Канта о двойственности человеческой природы и принадлежности человека к царству свободы ограничивались созданной им «религией в пределах разума» [Бердяев 1998, 291]. Интересно заметить, что в последней своей работе «Истина и откровение» Бердяев отмечал, что философия свободы Канта, в сущности, была экзистенциальной философией, но сам Кант не раскрыл данную сторону своего учения, он наметил лишь ее возможность [Бердяев 1996, 10]. В своей поздней работе «Опыт эсхатологической метафизики» (1947) Бердяев откровенно признавался, что в построении своей метафизики свободы он напрямую исходил из идей Канта [Бердяев 1995, 168].

Итак, творческое и критическое осмысление наследия Канта открыло молодому Бердяеву возможность выйти за границы критического марксизма и перейти к этическому нормативному идеализму. Идеализм явился для Бердяева переходной ступенью, и очень скоро он почувствовал в кантианстве удушливую атмосферу трансцендентальной философии. Период увлечения трансцендентальной философией Канта для Бердяева оказался очень продуктивным. Можно сказать, что школа Канта, поставленные им проблемы и идеи для Бердяева стали опытом погружения

в метафизику, питательной почвой для дальнейшего движения в сторону религиозного сознания. Кантовский дуализм, рамки, которые он задал своей метафизике, коренным образом не удовлетворяли Бердяева. Ощущение и сознание мистической реальности привело к разрыву с трансцендентальным идеализмом Канта и идеалистической философией Фихте. Бердяев вступил на путь мистического религиозного реализма. Свою главную мысль в ту пору Николай Бердяев определял как мысль о личности, об ее освобождении, о поиске путей соединения с мировым Логосом. Дальнейшее творческое развитие Бердяева привело его к христианскому персонализму и религиозному экзистенциализму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев 1995 – *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
- Бердяев 1996 – *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
- Бердяев 1998 – *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998.
- Бердяев 1999 – *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999.
- Бердяев 2002 – *Бердяев Н.А.* *Sub specie aeternitatis.* Опыт философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002.
- Бердяев 2006 – *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги: Литература, 2006.
- Бердяев 2007 – *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. М.: АСТ, 2007.
- Бердяев 2008 – *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель, 2008.
- Бердяев 2016 – *Бердяев Н.А.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016.
- Бердяев 2018 – *Бердяев Н.А.* Творчество и объективация. М.: Т8 RUGRAM, 2018.
- Кант 2007 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
- Красицки 2014 – *Красицки Я.* Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42). С. 108–127.
- Силантьева 2005 – *Силантьева М.В.* И. Кант и Н. Бердяев. Диалектика в трех измерениях // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Им-

- мануила Канта. В 2 ч. Ч. 1: тр. Междунар. семинара и Междунар. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 123–133.
- Степун 1994 – *Степун Ф.А.* Учение Николая Бердяева о познании // Бердяев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1994. С. 483–500.
- Krasicki 2012 – *Krasicki J.* Микодај Бердяjew а neokantyzm // *Estetyka i Krytyka*. № 26 (4). 2012. S. 223–236.

REFERENCES

- Berdyayev N., 1995. *The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar*. Moscow, Republic Publ.
- Berdyayev N., 1996. *Truth and Revelation. Prolegomena to the Critique of Revelation*. Saint Petersburg, RKhGI Publ.
- Berdyayev N., 1998. *The Spiritual Crisis of the Intellectuals*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 1999. *New Religious Consciousness and Public*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 2002. *Sub specie aeternitatis. Philosophical, Social and Literary Experiments (1900–1906)*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Berdyayev N., 2006. *Self-Knowledge (Experience of Philosophical Autobiography)*. Moscow, Mir knigi, Literatura Publ.

- Berdyayev N., 2007. *Spirit and Reality. Fundamentals of Divine-Human Spirituality*. Moscow, AST Publ.
- Berdyayev N., 2008. *Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. Critical Study About N.K. Mikhailovsky*. Moscow, Astrel' Publ.
- Berdyayev N., 2016. *Small Collected Works*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.
- Berdyayev N., 2018. *Creativity and Objectification*. Moscow, T8 RUGRAM Publ.
- Kant I., 2007. *Critique of Pure Reason*. Moscow, Eksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ.
- Krasicki J., 2014. Struggle for Truth (Berdyayev, Kant and Others). *Solov'evskie issledovaniya*, no. 2 (42), pp. 108-127.
- Silantyeva M., 2005. Kant and N. Berdyayev. Dialectics in Three Dimensions. *Kant mezhdru zapadom I Vostokom. Kh 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta. V 2 ch. Ch. 1: tr. Mezhdunar. seminaru i Mezhdunar. konf.* Kaliningrad, RGU im. I. Kanta, pp. 123-133.
- Stepun F., 1994. Nikolai Berdyayev's Doctrine of Cognition. *Berdyayev: pro et contra*. Saint Petersburg, RHGI Publ., pp. 483-500.
- Krasicki Y., 2012. Nikolai Berdyayev and Neo-Kantianism. *Estetika i kritika*, no. 26 (4), pp. 223-236.

Information About the Author

Andrey V. Shumskoy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of the Social and Humanitarian Sciences, Ural State University of Physical Culture, Ordzhonikidze St, 1, 454091 Chelyabinsk, Russian Federation, shav.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

Информация об авторе

Андрей Викторович Шумской, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Уральский государственный университет физической культуры, ул. Орджоникидзе, 1, 454091 г. Челябинск, Российская Федерация, shav.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>